

Вот и лето прошло, и золотая осень закончилась. Природа щедро израсходовала свою изумительную палитру, и первенство взяла повсюду краска серая. Осень вошла в свою завершающую стадию. Ещё стремительнее начал сокращаться световой день. Беспрестанно льют дожди, почва уже пресытилась ими, и загородные прогулки поневоле становятся короче.

Холодный воздух наполнен дыханием зимы. Деревья стоят в жалком, нищенском виде. Листва лежит под стволами сырыми бурыми слоями, порыв ветра порой пытается оживить её, и тогда она пускается бежать испуганными мышами-полёвками, по пути заскакивая в придорожные лужи, где и находит покой. Голые ветки гнутся под напором ветра, качаются из стороны в сторону, словно недовольные таким пренебрежительным отношением к себе. Не слышно птиц: воробьи куда-то подевались, нет синичьего перезвона, да и вороны с галками редко появляются в небе, – затаились где-то по укромным местам. Не видно и насекомых. Всё живое на долгое время притихло, стало более уязвимым с наступлением ненастья. Разве что кроты всё ещё продолжают запасаться едой на зимовку, что видно по свежим холмикам земли на лугах. Не будь их, местность могла бы показаться полностью безжизненной.

Среди деревьев и кустарников за городской чертой всё чаще видятся груды бытовых отходов и мусора, что угнетающе действует даже на под-

сознание. В летний период такое неуважительное отношение к природе не бросалось в глаза, поскольку листва скрывала безобразия.

Окинешь взглядом местность, и душа наполняется неизъяснимой грустью или даже кладбищенской печалью о чём-то невосполнимом, невозвратном, словно сам виноват, мог бы сделать больше, чем вышло, но не получилось. И заморгают глаза, подтверждая: да, да, мог бы расходувать силы более разумно, не отвлекаясь на второстепенные вещи. Ну и вздохнёшь, конечно, – не более того, ведь не всегда есть желание анализировать свои поступки. Смотришь на скупую природу и печалишься. И вовсе не потому, что впереди зима, нет. Близость зимы русского человека не пугает, не расхолаживает, к ней он готовится заранее. Эка невидаль – зима. Да она ему мать родна! – с рождения греет морозами, воспитывает, ведёт по жизни до полного увядания. Нет, нет, зима не причина для грусти поздней осенью. Здесь что-то другое, нечто сакральное, – хоть в храм иди, ставь свечки и молись разом за все мировые беды. Мелькнёт такая мыслишка и тут же исчезает, а жаль, что ушла от дальнейшего развития. Ведь неспроста зародилась она именно в такое время года, когда даётся возможность поразмыслить о мироустройстве. И может, даже для того, чтобы найти дорогу к храму, а не только смотреть в небо чисто с практической целью. В таком случае ничего таинствен-

ного не откроешь, и грусть не оставит тебя в покое.

Не захотел заглянуть в свою душу, а она подобна небесной бездне, значит, испугался, отпрянул сам от себя. Тогда смотри, как ползут и ползут по небу тяжёлые грязные облака, грядя за грядой. Они клубятся, густеют, расплзаются, покрывая все вокруг пеленой, похожей на алюминиевую фольгу. Всё темнее облака, всё плотнее они, и, кажется, попал ты в гигантскую серую кастрюлю и накрыт сверху громадной крышкой. Не скоро она сдвинется в сторону, не скоро солнце с любопытством заглянет к тебе, чтобы задать лукавый вопрос: «Не прокис тут без меня? Ну, ну, бодрись, буду приходить...» И, мечтая о новом приходе солнца, тебе уже становится легче, понимаешь, – небесные дороги развезло, как и земные. Скоро мороз скуёт их и начнётся по ним движение. Потом сыпанёт пороша, округа засеребрится, света прибавится. Надо научиться ждать и уметь терпеть, а уж к терпению русский человек приучен веками. К тому же он – существо совестливое и есть много причин печалиться с наступлением поздней осени. И хочется встряхнуть его словами: «Эй, человек, отбрось свою неприкаянность, она чаще всего появляется от неправильного взгляда на себя, и небо, а бывает и от безделья». В целом же, в этот период человеческий организм перестраивается для существования в новых условиях, возникает обычная сезонная депрессия. Нельзя ей поддаваться. Пришло время для осознания пройденного пути, чтобы довоплотить свои давние мечты в дела, временно отложенными в минувший активный период.

А время неумолимо продолжает свой бег. Дыхание зимы всё ближе и ближе, пока однажды утром, подойдя к окну, вдруг поражаешься увиденной картиной природы: деревья, что с вечера стояли голыми, покрылись изумительно сверкающим инеем, словно обрели заново кроны в нежном очертании и полном объёме. Воздух звенит и поёт, а на синем небе нет ни единого облачка. Лучи солнца золотят пушинки инея, делая окрестность сказочной, и невозможно смотреть равнодушно. Иней образовался не только на деревьях, но и кустах, былинках сухих

трав, скамейках, и других поверхностях. И грусть поздней осени временно отступает, душа наполняется светом. И тебе уже не важно, что явление это – «первая ласточка зимы», – всего лишь водяной пар, что в морозную ночь шёл вверх от земли и сразу перешёл в мелкие кристаллики льда. Они, цепляясь друг за друга, и за любую поверхность, образовали дивные пушистые узоры. Радуюсь инею, не всегда понимая, что он бывает разный по форме, например, в виде прямоугольников, пластин, шестиугольников и даже мелких иголок. Эту игольчатую форму принято называть изморозью. Иней и изморозь – не одно и то же, хотя в общепринятом понимании разницы нет. Изморозь получается, например, при температуре минус пятнадцать градусов и больше. Но разве думаешь об этом, когда красота узоров первого инея завораживает тебя? А солнечные лучи, проходя через толщу мельчайших кристалликов льда, создают нежнейшую гамму радужного света, не всегда заметную восторженному взгляду. Успеть бы, налюбоваться красотой, а тут ещё внезапно видишь, как откуда-то явившаяся синичка садится на пушистую ветку, вертит головкой из стороны в сторону, и с недоумением вопрошает серебром голосочка: «Пинь-пинь, чарвинь?» И мысленно отвечаешь ей: «Никакой «червини», голубушка, не видно, всюду «бельнь» лёгкая, пушистая». И она, словно услышав это, как хозяйка зимних садов бойко провозглашает: «Цупи-цупи, пинь-пинь!» Мол, что вижу, тому и быть. Непоседа и любопытница, начинает порхать с ветки на ветку, стряхивая иней. Ей нравится такая забава, она устала от серости минувших дней, и в этот радостный момент не понимает, как удачно вписалась своей красой в светлую картину природы, оживив её. Через два-три часа солнце превратит иней в пар, а потом он станет водою. И снова будет вокруг сыро и неудобно, а на душе тоскливо. Правда, это состояние продлится недолго. Очень скоро небо накроют другие тяжёлые облака, и посыплется из них белое зерно зимы – пороша, а следом за порошей запляшут, закружатся снежинки. И только тогда можно торжественно сказать: «Здравствуй, матушка, зимушка-зима!»

Редсовет альманаха поздравляет Михаила Леонидовича Турбина с юбилеем и желает крепкого здоровья, вдохновения и новых творческих успехов!